Т.И. Радомская[*]

СВЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДОМА: ПУШКИН И ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье поднят ряд проблем, актуальных и, наряду с этим, не изученных в литературоведении. В ней анализируется особое восприятие одной из базисных духовных ценностей отечественной культуры – категории Дома; исследуются особенности его поэтики, в частности роль Света, определяющего семантику и особенности построения художественного пространства Дома.

Образ Дома в русской культуре и литературе занимает значимое место, является «микроуниверсумом, отражающим макроуниверсум» [1. С. 203]. В нем выражается определенная модель мира, связанная с национальным менталитетом, которая по-разному проявляется в разные исторические отрезки времени, но при этом имеет определенные качественные характеристики, свидетельствующие об архетипе Дома в национальном сознании. К анализу некоторых из них мы и обратимся в настоящей статье.

В древнерусской модели мира образ Дома не исчерпывался земными измерениями и был связан с его первообразом – Царством Небесным. Эта соотносимость горнего и дольнего, «постоянная память об отношении всего временного к вечному и человеческого к божественному» [2. С. 276] была отличительной особенностью древнерусских нравов, получившая свое художественное выражение и эстетическое осмысление. Соответственно и национальный мир устроялся именно так, что земное должно было указывать на небесное. Образ Дома в древнерусской культуре, соотносимый с областью сакрального, отражал присущую национальному сознанию модель мира, в которой «земство» (земная, повседневная жизнь человека), «царство» (государственная власть) были определены третьим членом русского мира – святостью, иерархически их подчинявшей [3. С. 439-440].

---

[*] © Радомская Т.И., 2006

Радомская Татьяна Игоревна – сектор русской литературы XX в. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва).

Пространство Дома и его внутренний уклад были пронизаны «памятью о вечном», соотносились с церковным укладом, вследствие чего семья становилась «малой Церковью».

Само лексическое значение слова «дом» в древнерусском языке указывает на сопряжение в нем земного и небесного, дольнего и горнего. Так, дом – это и земное жилище человека, но это и Церковь – Дом Божий. Лексема «дом» обозначает и Царство Божие, и Божию Матерь. Одно из значений лексемы «дом» – «телесное» жилище души («и ты аще желаеши Бога своего в дом телесны(и) въвести… освяти тело») [4. С. 43]. Дом обозначает и последнее пристанище человека на земле – могилу, которая связывается с началом иной жизни, переходом из временного в Вечность, из земного в небесное.

Область сакральности, святости пронизывает земное жилище человека, что отражается и на языковом уровне. Так, в древнерусском языке сближаются между собой лексико-семантические поля ‘дом’ и ‘храм’. Сопряжение дольнего и горнего, встреча в земном пространстве с небесным – необходимое условие для устроения Домов, что очевидно из слов еп. Кирилла Туровского: «… везде сы домы Божиа, не токмо в твари, но и в человецех. “Вселю бо ся, – рече, – в ня” («Притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении Божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о Страшном Суде, и о мучении») [5. С. 292-293]. Здесь Кирилл Туровский приводит слова Господа («Вселю бо ся…»), указывающие на суть Божественного домостроительства – освящение земной природы человека и мира Творцом. Категория Дома в древнерусской литературе определялась домостроительством Божьим, приобщением твари к Творцу, дарующее чувство Дома – Отечества Небесного, увиденного и воспринятого уже на земле, в Отечестве земном.

Освящение тварной природы человека и мира связано с *освещением* их, и соответственно образ Света становится одним из значимых в пространстве Дома не только в древнерусской литературе, но и в литературе Нового времени, в частности у А.С. Пушкина. В древнерусской литературе святость, явленная через Свет, – феномен постоянного осмысления и восприятия. Так, в «Хождении игумена Даниила» игумен Даниил пытается передать нетленность, нетварность увиденного им Света в Иерусалиме на Пасху: «Свет же святы *не тако, яко огнь земленый*, но *чюдно инако светится* изрядно, и пламянь его червлено есть, яко киноварь, и отнудь несказанно светится». (курсив мой. – *Т.Р.*) [5. С. 112]. Описание света и его качеств направлено на то, чтобы передать образ неземного Божественного Света, земные характеристики которого имеют божественную природу, поэтому его восприятие сопряжено с неземной радостью.

Образ такого Света особо значим в пространстве отечественного Дома.

В «Слове о погибели Русской земли» показан такой образ Дома, описание которого начинается с образа Света. Здесь образ Дома отражает «три плана» жизни «макроуниверсума», выделенные Г.П. Федотовым [6. С. 446-447]. Это

тварная жизнь, «физический субстрат народной жизни», далее – тесный путь спасения на земле, культура («грады и домы») и Небесный Иерусалим, Царство Небесное, выраженное в земном образе через Свет: с первых же строк русская земля предстает украшенной светом. Этот образ имеет определенное сходство с духовными текстами, в частности с Псалтирью – «Одеяйся светом яко ризою» (Пс. 103, 2). Последние слова псалма относятся к Богу. Блаженный Феодорит, епископ Киррский, толкует их следующим образом: «Таков оный свет, что никто не дерзает приблизиться… Ибо если чувственное солнце заставляет делать сие покушающихся долго смотреть на него, то в состоянии ли кто устремлять взор на свет неприступный?» [7. С. 188]

Господь предстает одетым светом, «яко ризою», и подобно Ему христианская земля как прообраз Дома Божьего одета светом («Слово о погибели Русской земли»). Но Божественный Свет, как указывает блаженный Феодорит, является и «светом неприступным». Он не только объединяет земное пространство, создавая его духовную «интеграцию», но и отъединяет от тьмы, выполняет роль *границы*. Свет в пространстве Дома обладает способностью *объединяя, защищать*.

В «Житии Сергия Радонежского» тема Света становится одной из значимых еще и потому, что этот памятник испытал на себе второе, южнославянское влияние с его обращенностью к метафизической сущности явлений, учению Григория Паламы о нетварном Свете. В «Житии…» Свет становится не только предметом изображения и осмысления, как в «Хождении игумена Даниила», но и способом организации пространственного образа. Обратим внимание на то, как рассказывается о посещении святого Божией Матерью. Она предстает в сиянии света, освящающего и являющего святость в земном мире. «И се свет велий осени святого зело, паче солнца сиающа, и абие зрит Пречистую с двема апостолома, Петром же и Иоанном, в неизреченеи светлости облистающася. И яко виде святый, паде ниц, не могый тръпети нестръпимую ону зарю» [8. С. 394].

Божия Матерь явлена в «свете неприступном», это – «*нестерпимая заря*». Но для пространства внутреннего Дома святого – это и свет освящающий и преображающий его.

Здесь Свет явлен в полноте тех качествах, которая была воспринята древнерусским сознанием. Это Свет нетленный, божественный, защищающий от своего явления духовно неготовых к его восприятию, Свет, освящающий и преображающий тех, кто к нему готов. Преображая и освящая «тайный храм сердца», он одновременно пролагает границы и устрояет духовное пространство.

В литературе Нового времени, в частности в художественном мире Пушкина, Свет является не только предметом изображения, но и способом устроения и построения образа, что восходит к поэтике древнерусской литературы и

древнерусского искусства. Обратимся к некоторым лирическим произведениям поэта.

Так, в стихотворении 1822 г. «Люблю ваш сумрак неизвестный…» тема нетленного Света уже заявлена. Поэту по ту сторону жизни открываются «миры иные». Они страшат и одновременно притягивают к себе блистающей «*нетленной* славой и красой» [9. С. 73]. Мир Вечности воспринимается лирическим «я» через «чистый пламень», близкий образу Света в «Хождении игумена Даниила»: «Быть может, там, где все блистает / Нетленной славой и красой, / Где чистый пламень пожирает / Несовершенство бытия…».

В «Монастыре на Казбеке» через восприятие реальной картины мира поэту открывается иное пространство жизни, явленное в сиянии «вечных лучей» и наделенное библейской символикой. Это образ церкви, традиционно связанный с образом ковчега. «Вечные лучи», в котором монастырь предстает взору поэта, восходят к образу Фаворского Света на иконах Преображения: «Вечными лучами» ученики Григория Паламы называли Фаворский свет, т.е. невещественный, духовный свет, озаривший учеников Христа… Изображение этих лучей на иконах Преображения Пушкин, конечно, видел», – писал Б. Васильев [10. С. 161-162].

Если в «Монастыре на Казбеке», «Люблю ваш сумрак неизвестный…» тема Света реализуется через его изображение, то в стихотворениях «Зима. Что делать нам в деревне?..», «Зимнее утро» показывается, как Свет преобразует пространство того места, которое, освящаясь и преображаясь, становится для поэта Домом. В стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..», написанном в Тверской губернии по возвращении с Кавказа, поэт обживает то место, которое является ему Домом.

Хронотоп дороги сменяется хронотопом деревни, где время течет медленно, «стих вяло тянется, холодный и туманный» [9. С. 334], тоска заполняет собой пространство дома, «печального селенья». Примечательна здесь следующая деталь, указующая на особенности феномена Дома в данном стихотворении: «Свеча темно горит» [9. С. 333]. Физический свет (свет свечи) не может преобразить состояние этого места. В последней части все меняется: дом оживает, наполняется звуками, движением, по-иному воспринимается вой вьюги, и общая картина снега, холода, метели озаряется и согревается [9. С. 334].

В этой зарисовке показано особое пространство, в котором жар, тепло (жаркий поцелуй) соседствуют со свежестью, вьюгой и свеченьем снега (пыль снегов). Соединение *тепла, света и прохлады создает образ особого огня, преобразившего Дом*. В стихотворении это преображение мотивировано вполне реалистически приездом двух белокурых «сестриц».

Однако в «Зимнем утре» показан подобный процесс преображения Дома, и источник таких изменений дан не через внешний повод (приезд гостей), а через образ света, озарившего Дом. При этом предметность мышления поэта создает образ-символ, в котором присутствует конкретная область значений:

зимним утром солнце осветило комнату. Но этим смыслом «Зимнее утро» не исчерпывается. Образ комнаты и зимнего пейзажа, освещенного светом, указывает на то, что́ больше своей земной данности и не может быть объяснимо ею (изменением погоды или приездом гостей). «Бытие, которое больше самого себя», – одно из определений символа. «Символ – это нечто, являющее собою то, что не есть он сам, больше его и однако существенно через него объясняющееся… Символ есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, сраствореннаяс энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю», – пишет в «Мысли и языке» о. Павел Флоренский о духовной сущности образа-символа [11. С. 287].

Именно такую картину бытия прозревает Пушкин в феномене комнаты, Дома, русского зимнего утра. Она выражается формулой-образом: «Вся комната янтарным блеском озарена» [9. С. 335]. «Вечор» злилась вьюга, «вечор» был тот свет луны, который не может победить тьму, подобно темному свету свечи («Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю…»). Все это осталось в прошлом, потому что увиден тот свет, который способен преобразить Дом. Образы нетленной блистающей красы, «вечных лучей» определяют духовный контекст образа Света в художественном мире Пушкина, о чем мы писали выше. В «Зимнем утре» он конкретизируется через такие детали, как «янтарный блеск», холод света («мороз и солнце»). Последний спектр значений был уже намечен в предыдущем стихотворении.

Янтарный блеск, указующий на желтый цвет и одновременно свет, ассоциативно связан с образом тепла горящей янтарной (желтой) свечи, а холод, свет как бы нейтрализуют физический жар, создавая картину «вечных лучей», сияющих не физическим огнем и потому не обжигающих, подобно тому огню, который сходит на свечи при Гробе Господнем в Иерусалиме в Пасхальное Воскресенье.

Рисуя конкретную земную реальность, Пушкин духовно и художественно точно запечатлел то, что́ скрыто за ней, и то, что́ комнату и усадьбу превращает в живой, озаренный Светом Дом. Он воспринял и словесно отразил образ-символ такого Света, который восходит к образам церковного искусства, книжной традиции. Так, например, в акафисте преп. Серафиму Саровскому, составленном по классическому канону архимандритом Серафимом (Чичаговым), впоследствии митрополитом, священномучеником Российским, «через имя “Серафим” развивается смысловая связь между образами пламени, “Солнцем Правды” и Света: “…явился бо еси воистину ангел на земли и во плоти серафим, яко луч пресветлый Вечнаго Солнца Правды, просветися житие твое”. Здесь значение слова-имени, его логос развивает смысловой ряд, выявляя в житии преподобного Серафима его огненное и одновременно светлое служение Господу» [12. С. 246].

В «Акафисте…» Свет преображает огонь, придавая ему качество нетелесности. В «Зимнем утре» мороз, снег нейтрализуют жар «янтарного блеска», убирая его земную фактурность.

В стихотворениях «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю…» и «Зимнее утро» создается не только физический, но и духовный пейзаж, и, в частности, это свойство проявилось в образах-оксюморонах темно горящей свечи и прозрачно чернеющего леса. Здесь *запечатлен тот Дом, в котором действуют не только физические законы: свеча горит темно, а черный лес, озаренный «вечными лучами», становится прозрачным*. Это пространство того мира, который является Домом уже не только одушевленным («гуманистической» ценностью), но и одухотворенным. Именно в этом смысле можно говорить об «имманентном присутствии божественного начала» (С.Л. Франк) [13. С. 124] в восприятии Дома.

Зимний пейзаж, таким образом, отразил восприятие поэтом того «края», который может быть Домом. Это особое пространство земной реальности, преображенное Светом.

Сакрализованная природа мира и человека становится в восприятии Пушкина Домом, поэтому в его пространстве Свет как проявление святости играет устрояющую роль: *он организует образ земного мира и образ человеческой души*, делает земное – «одушевленными полями», по точному выражению Пушкина [9. С. 91].

Роль света в семантике образа Татьяны в «Евгении Онегине» является предметом отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи [14. С. 124-139], однако отметим, что далеко не случайно героиня изображается Пушкиным перед окном, на балконе, в сиянии лунного света. Эта особенность композиции подчеркивает соотнесенность образа с сакральной областью и придает земному облику качества трансцендентности.

Итак, Свет в художественном пространстве Дома души и Дома как модели мира является объектом изображения и одновременно способом устроения и организации образа как художественного, так и духовного, являющего в эмпирическом онтологическую сущность.

Библиографический список

1. Цивьян, Т.В. Дом в фольклорной модели мира / Т.В. Цивьян // Типологические исследования по фольклору. – М., 1975.

2. Киреевский, И.В. Избранные статьи / И.В. Киреевский. – М., 1984.

3. См. об этом: Топоров, В.Н. Святость и святые Древней Руси / В.Н. Топоров. – М., 1995. – Т. 1.

4. Словарь древнерусского языка: в 10 т. (XI-XIV вв.). – М., 2000. – Т. 3.

5. Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М., 1980

6. Федотов, Г.П. Национальное и вселенское / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.

7. Псалтырь с объяснением значения каждого стиха блаженного Феодорита, еп. Киррского. – М., 1997.
8. Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981.
9. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 9 т. / А.С. Пушкин. – Т. 2.
10. Васильев, Б.А. Духовный путь Пушкина / Б.А. Васильев. – М., 1994.
11. Флоренский, П.А. свящ. У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – М., 1990. – Т. 2.
12. Радомская, Т.И. «Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Серафиму Саровскому Чудотворцу»: имя – образ – композиция / Т.И. Радомская, Е.М. Меркулова // Текст: теория и методика в контексте вузовского образования. – Тольятти, 2003.
13. Франк, С.Л. Этюды о Пушкине / С.Л. Франк. – М., 1999.
14. См. об этом: Радомская, Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. Опыт духовного, семейного, государственного устроения / Т.И. Радомская. – М., 2006.

T.I. Radomskaja

THE LIGHT AT THE IMAGE OF HOME: PUSHKIN AND ANCIENT RUSSIAN TRADITION

In this article the author considers actual and at the same time not investigated problems. The author analises perception of basic spiritual category – the category of Home. Here are studied the peculiarities of poetics, the role of the image of Light, stipulating semantics of Home's space.